

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Факультет журналистики

Кафедра новых медиа и теории коммуникации

Специфика коммуникации в культуре Серебряного века
(на примере устной формы культуры)

Работу выполнил студент

V курса дневного отделения

524 ак. группы Даниил Ляхович

Москва, 2014

Введение

Культура Серебряного века стала сложным и многоаспектным явлением, которое изучается с разных точек зрения: литературоведческой, искусствоведческой, а также культурологической. Однако в настоящей работе важно показать именно специфику коммуникативных отношений между различными участниками общения.

Будучи переломным моментом в истории философской и эстетической мысли, «сменой вех», Серебряный век дал плоды и в области технологий коммуникации, поскольку сам творческий процесс породил новые платформы, а следовательно, и каналы связи, которые и позволили сформировать совершенно новую конфигурацию культуры и её сущностных элементов.

Кроме того, замечательно, что процесс появления новых платформ был наименее обусловлен технологическими факторами, но гораздо более имел в основе изменение содержательной повестки дня, глубинных процессов в сфере мышления, эстетических предпочтений, исторических и метаисторических катаклизмов, а значит, новая информационная картина мира формировалась за счёт, в первую очередь, интеллектуальных усилий, а не наращивания технической мощи.

Специфика коммуникации в культуре Серебряного века (на примере устной формы культуры)

Принципиально важным для понимания специфики процессов коммуникации в культуре Серебряного века является её синкретизм, не одномерный и нелинейный характер. При этом, с учётом всех особенностей эпохи, не стоит игнорировать фундаментальное разделение устной и письменной типов культур, подмеченное М. Маклюэном (*«Фонетический алфавит — технология уникальная. Существовало много типов письма, пиктографического и силлабического, но только в фонетическом алфавите семантически бессмысленные буквы используются для передачи семантически бессмысленных звуков. Это полнейшее разделение и разведение зрительного и слухового мира было, с точки зрения культуры, жестоким и безжалостным. Фонетически записанное слово приносит в жертву миры смысла и восприятия, оберегаемые такими формами, как иероглиф и китайская идеограмма»¹*). Это разделение справедливо и для начала XX века, хотя, как будет показано далее, формы коммуникации всё чаще стали пересекаться и образовывать сложное единое коммуникативное поле.

Устная форма существования культуры испытала небывалый взлёт в период Серебряного века, чему способствовал ряд факторов. Например, появлению некоторых коммуникационных площадок (в терминологии теории коммуникаций) помогло бурное развитие русской религиозной философии, начиная с Вл. Соловьёва. Со временем философский интерес к идеям Соловьёва трансформировался в своего рода медиасообщество – Религиозно-философские собрания,

¹ Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (Дата обращения: 15.12.2014 г.)

проходившие в здании Русского Географического общества в Петербурге в 1902-1903 гг. Эти собрания имели вполне конкретную теоретическую основу – учение Д. С. Мережковского о «Церкви Третьего Завета», которая на уровне практики мыслилась им как союз церкви и интеллигенции.

Исследователь литературы Серебряного века О. Матич пишет, что «Религиозно-философские собрания были важным событием в истории русской культуры... где ещё могли выступать люди столь различных идеологических убеждений и социального происхождения в 1901-1903 гг. вступать в свободную публичную дискуссию о религии, поле, политике»². То есть Религиозно-философские собрания стали новой коммуникационной площадкой для общественного диалога, продуцирования и трансляции идей и смыслов, своего рода прообразом современных институтов экспертирования, независимых общественных организаций или профессиональных соцсетей (с поправкой на метафизический предмет дискуссий Религиозно-философского собрания).

В то же время Религиозно-философские собрания сильно отличались от исторически привычной для России формы политического/литературного кружка. Здесь, в отличие от кружков, можно сказать, действовал режим открытости, независимости и публичности (отчёты о собраниях публиковались в официально разрешённом модернистском журнале «Новый путь»). Более того, О. Матич приводит слова одного из организаторов собраний З. Н. Гиппиус о том, что «Она [З. Н. Гиппиус – прим. авт.] считала Религиозно-философские собрания единственным полупубличным местом в России, где в эти реакционные годы существовала свобода слова»³.

² Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. – М.: НЛО, 2008. – 400 с.

³ Матич О. Там же

Таким образом, Религиозно-философские собрания стали качественного новым шагом в культуре Серебряного века с точки зрения процесса коммуникации. Они позволили канализировать и медиатизировать идеи интеллектуальной элиты, создать попытку насущного диалога между церковью и интеллигенцией, придав ему черты гражданской платформы. Разумеется, в доступных для того времени формах и на соответствующем уровне технологий. Тем не менее, данная коммуникативная стратегия оказалась в известном смысле успешной и продуктивной, поскольку существенно трансформировала наличествующий тогда медиаландшафт, в широком смысле этого слова.

Другим важным компонентом устной формы существования культуры Серебряного века было наличие (на разных уровнях) фольклорного элемента. Причём в случае с *fin de siècle* фольклор как часть литературной традиции стал в том числе коммуникатором и даже средством социализации.

Например, именно в период Серебряного века фактически впервые в истории новой русской литературы (с XVIII века) широкое признание в том числе среди творческой элиты получили поэты-выходцы из крестьян (Н. Клюев, С. Есенин). То есть их творчество стало не только элементом местной народной традиции, но вошло в общекультурный оборот и даже сформировало целое течение внутри модернизма (неокрестьянская поэзия).

Это стало возможным благодаря принципиально новому отношению к процессу, если можно так выразиться, творческой коммуникации, который перестал ограничиваться сословными группами, как это было в XIX веке. В начале XX века идея творческого диалога и даже полилога нашла своё отражение в личностных контактах между писателями, поэтами, художниками и др. Одним

из таких мест стало знаменитое кабаре «Бродячая собака», которое стоит отдельно рассмотреть как коммуникационную платформу внутри устной формы культуры Серебряного века.

По замечанию Т. Кузьминой⁴, *«не осталась в стороне от европейских традиций и Россия. Для пространства русской культуры гораздо более привычны трактир и кабаки или модное французское кабаре. Если в Петербурге идёт речь о Серебряном веке, обязательно будет упомянуто кабаре «Бродячая собака».* Речь идёт о кафе как своеобразном коммуникаторе. В частности, в работе Т. Кузьминой рассматривается специфика лондонских кофеен XVIII-XIX вв., которые были одним из центров публичной сферы, идеи которой позднее сформулировал Ю. Хабермас⁵. Так вот, кофейни были не только местом досуга, но также и пространством получения новой информации, и даже дискуссионным клубом. Нечто похожее можно было наблюдать и в России в начале XX века в кабаре «Бродячая собака».

Конечно, кабаре имело далеко не только коммуникативную функцию. В первую очередь, его задачей была творческая самопрезентация представителей тогдашней культуры. Учитывая атмосферу демократизма и открытости, «Бродячая собака» предоставляла широкие возможности для реализации творческого потенциала. Здесь собирались представители самых разных направлений искусства – символисты, акмеисты и футуристы. Несмотря на серьёзные эстетические различия, все они общались друг с другом, творили культуру, создавая сложное пространство из разных видов искусств. Именно здесь в полной мере

⁴ Кузьмина Т. Коммуникация в кафе: исторический взгляд. URL: http://www.su.lt/bylos/mokslo_leidiniai/acta/2012_15/kuzmina.pdf (Дата обращения: 14.12.2014 г.)

⁵ Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб: Наука, 2001. – 380 с.

выявилась проблема синтеза искусств в эпоху Серебряного века, которая мыслилась как одна из космических целей символистами и близкими к ним философами.

Формат кабаре был своего рода революцией в истории русской культуры, да и в системе коммуникаций тоже. Если для XIX века характерен скорее трактир как пространство общения, т. е. место, генетически не связанное с искусством, где коммуникативный процесс предстаёт как спонтанный, временный, приватный, то кабаре задумывается именно как центр притяжения творческих людей, а в философском плане – как попытка реализации проекта жизнотворчества, т. е. исчезновения грани между творчеством и жизнью. Это подтверждается тем фактом, что, помимо сугубо «деловых» контактов, кабаре стало пространством личной жизни каждого из его посетителей. Мир творческий таким образом смыкался с миром реальным, что стало прорывом в том числе в системе «транслятор-коммуникатор-реципиент», ибо дистанция между автором и читателем сужалась. Происходило активное вовлечение аудитории в творческий процесс, своего рода игра с читателем/слушателем. Здесь можно увидеть черты уже постмодернистской ситуации в области коммуникации, когда грани между автором и читателем не существует, а произведения можно не только читать, начиная с любой страницы, но и «дописывать» самому («Игра в классики» Х. Кортасара, «Любовница французского лейтенанта Дж. Фаулза и др.).

Отдельно стоит остановиться на феномене игры в культуре Серебряного века и его роли в системе коммуникации. М. Маклюэн в книге «Понимание медиа: внешние расширения человека» утверждает, что *«игры - это драматические модели нашей психической жизни, дающие избавление от тех или иных*

напряжений. Это коллективные массовые художественные формы, опутанные строгими соглашениями⁶». То есть игра – это попытка конструирования новой реальности, погружение в неё при условии неких внешних соглашений. Однако, если посмотреть на проблему игры в культуре Серебряного века, можно заметить, что она была не только средством создания художественного мира, но и механизмом взаимодействия с аудиторией, а равно своего рода творческой стратегией.

Например, в период *fin de siècle* были популярны публичные чтения авторами своих произведений. Так, хорошо были известны поэзоконцерты И. Северянина, выступления В. Маяковского, А. Блока и др. Характерно, что эти выступления часто проходили в театрах или кабаре, то есть в местах, предназначенных для весьма широкой публики. Пожалуй, в истории русской культуры это была первая организованная и осознанно предпринимаемая попытка прямого творческого контакта с аудиторией, вне опосредования его иными каналами связи (например, журналом). Вернее, журнал, манифест как трансляторы различных творческих импульсов сохранялись, но были обогащены практикой публичности искусства и его надсоциальным свойством.

Феномен игры имел не только коммуникативное преломление, но включал в себя вполне конкретные творческие практики. Например, в эпоху Серебряного века можно было наблюдать как поэт становится актёром. Именно так была поставлена буффонада Ф. Сологуба в литейном театре режиссёром Евреиновым в 1909 г.⁷

⁶ Маклюэн М. Там же.

⁷ Савельева М. С. Фёдор Сологуб // ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 246 с.

Кроме того, игровой элемент проявлялся и в отношениях между автором и зрителем, в терминологии М. М. Бахтина. По мнению учёного, для того, чтобы говорить об игре в искусстве, необходима фигура активного зрителя, способного взять на себя оформление художественного пространства как игрового⁸. Действительно, в культурной ситуации начала XX века можно выделить активизацию роли зрителя, отчасти это связано с сознательным включением его в творческое пространство, своего рода диалог культур – зрительской и авторской. Этот диалог проходил на различных площадках, в первую очередь журнальных и театральных.

Дополнительным фактором, который способствовал активизации общения между различными участниками культурного проекта Серебряного века была его связь с фольклорной традицией. На это указывает С. Ю. Неклюдов в работе «Сообщающиеся сосуды» традиций в российской культуре и словесности начала XX века⁹». Исследователь считает, что в литературе Нового времени фольклор стал занимать всё более весомое место, что отразилось и в культуре Серебряного века. Катализировал эти процессы несомненный интерес к народному творчеству со стороны писателей-модернистов. Так, известны фольклорные экспедиции Д. Мережковского, С. Городецкого и др. Сильный фольклорный элемент сопутствовал и творчеству А. Блока (*«Блок и Городецкий участвуют в коллективном труде «Народная словесность», изданном под редакцией Е. В. Аничкова, А. К. Бороздина, А.Н. Овсяннико-Куликовского (1908), в качестве авторов глав о «поэзии заговоров и заклинаний» (Блок 2002) и о «сказочных чудищах» (Городецкий 2002). Подобные занятия связаны с творчеством поэтов*

⁸ Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука. 2000. – 336 с.

⁹ Неклюдов С. Ю. «Сообщающиеся сосуды» традиций в российской культуре и словесности начала XX века URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov31.htm> (Дата обращения: 14.12.2014 г.)

«серебряного века» как опосредованно (ср. образы «живого мертвеца» и вампира, рассмотренные в названной статье Блока, с одной стороны, и соответствующие мотивы, воплощенные в его поэзии, с другой), так и напрямую («Пузыри земли» Блока, 1904-1905, «Ярь» Городецкого, 1907»)¹⁰.

Значительное влияние фольклора в культуре начала XX века способствовало такому интересному процессу коммуникации, как активизация социальных лифтов. То есть в орбиту некоей «генеральной линии» культуры попали выходцы из крестьян – С. Клычков, Н. Клюев, С. Есенин – и тем самым диалог между различными пластами и традициями русской культуры осуществлялся уже и на индивидуально-творческом уровне, а не только лишь в форме собирательства древности.

¹⁰ Неклюдов С. Ю. Там же

Заключение

Таким образом, русская культура Серебряного века стала новым поворотом в области механизмов коммуникации. Наряду с традиционными формами общения внутри литературной среды (например, журнал) появились принципиально новые. Таковыми стали гражданские площадки интеллектуальной элиты (это было рассмотрено на примере Религиозно-философских собраний), более тесные формы контакта с аудиторией (кабаре, публичное чтение собственных произведений), а также игра как способ создания специфической художественной реальности и репрезентация этой реальности в культурном пространстве.

На основании изложенного можно сформулировать следующие **выводы**:

- Серебряный век как культурный феномен характеризуется фундаментальным синкретизмом отношений. Это касается и собственно взаимодействия элементов внутри культурного поля (идея объединения различных видов искусств – литературы, музыки, театра), и специфики коммуникации между различными её участниками.
- Культура Серебряного века оказалась продуктивной в части созданий новых коммуникационных платформ. Ими стали форма кабаре, пришедшего на смену трактиру и литературному салону XIX века, публичное исполнение литературных произведений, а также значительно более тесное и активное общение внутри творческой элиты эпохи.
- Синкретизм в области отношений с аудиторией и внутри элитарных групп практически воплощался посредством феномена игры, внутри которого создавалась альтернативная художественная реальность и

осуществлялась идея жинетворчества как важного психотворческого компонента времени.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. – СПб.: Азбука. 2000. – 336 с;
2. Кузьмина Т. Коммуникация в кафе: исторический взгляд. URL: http://www.su.lt/bylos/mokslo_leidiniai/acta/2012_15/kuzmina.pdf (Дата обращения: 14.12.2014 г.);
3. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека. URL: http://yanko.lib.ru/books/media/mcluhan-understanding_media.pdf (Дата обращения: 15.12.2014 г.);
4. Матич О. Эротическая утопия: новое религиозное сознание и fin de siècle в России. – М.: НЛО, 2008. – 400 с;
5. Неклюдов С. Ю. «Сообщающиеся сосуды» традиций в российской культуре и словесности начала XX века URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/neckludov31.htm> (Дата обращения: 14.12.2014 г.);
6. Савельева М. С. Фёдор Сологуб // ЖЗЛ. – М.: Молодая гвардия, 2014. – 246 с.
7. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. - СПб: Наука, 2001. – 380 с.